

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ЗАПОРОЖЕЦ

СТАНОВЛЕНИЕ ПСИХОЛОГА (1905 – 1981)

Жизненный путь и научная биография Александра Владимировича Запорожца заслуживают монографического описания. Возможно, когда-нибудь книга о нем будет написана. А пока несколько слов из моей благодарной памяти об учителе, который более 30 лет дарил мне свои любовь и дружбу.

Сначала я получил их в дар по наследству, по праву рождения, как сын Петра Ивановича Зинченко. С моим отцом А.В. Запорожец подружился в свой харьковский период, который у него, по сравнению с А.Н. Леонтьевым и А.Р. Лурией, продолжался до самой войны. Вернувшись после рытья окопов, он эвакуировался из Харькова с последним поездом, накануне прихода в город немцев.

Позже, мне кажется, я заслужил его расположение и сам, конечно, не без его помощи. Его уроки, как и уроки Петра Ивановича, я не просто помню, они вошли в мою плоть и кровь, и может быть, даст Бог, мне посчастливится отчитаться перед ними.

А.В. Запорожец родился 12 сентября 1905 г. в Киеве. Когда у ребенка обнаружились неполадки в легких, его мама Елена Григорьевна освоила профессию массажистки, возила сына на французские и итальянские курорты. Болезнь отступила, не оставив никаких следов. С тех пор у Александра Владимировича на всю жизнь остались очень трогательная, нежная любовь к матери, внимание и забота о ней. Елена Григорьевна дожила до преклонных лет. Щадя ее, сын скрывал свои, к счастью, достаточно поздно появив-

шиеся недуги, равно как и любые жизненные неурядицы, которых у него, как и у всякого советского человека, было предостаточно. Следствием пребывания на курортах стала любовь к морю, к рыбалке. В зрелые годы он часто ездил в отпуск к родителям, жившим в Одессе и после переезда в Москву сохранившим дом в Аркадии. Там он многие часы просиживал на берегу моря с удочкой. Ловил бычков, но, мне кажется, улов его мало интересовал. Во всяком случае, он никогда не хвастался своими рыбацкими достижениями, как, впрочем, и никакими другими. Из Одессы он привозил очередной заряд жизнестойкости и юмора, хотя казалось, что к его собственному неисчерпаемому запасу юмора и мягкой иронии трудно было что-нибудь добавить. Это было у него в крови. Юмор и ирония экранировали его от партии, от советской власти. Правда, от советской действительности экрана не существовало, тем более что практически всю жизнь, будучи уже академиком, директором, ученым с мировой известностью и т. п., он прожил со своей женой Тamarой Осиповной в коммунальной квартире. Коммуналки, правда, менялись. Сначала — подвал Психологического института, через который прошли многие психологи, в том числе и его учитель Выготский (и я, его ученик, был 17 лет прописан в этом замечательном подвале), потом в старом университетском доме на ул. Грановского, где они жили вместе с П.Я. Гальпериним, его женой Тamarой Израилевной и деканом мехмата МГУ проф. П.М. Огибаловым. Последняя коммуналка —

часть огромной квартиры, принадлежавшей когда-то его отцу Владимиру Кузьмичу, была в Померанцевом переулке, куда ему с большим трудом удалось вселиться, когда из нее выехали его родители и сестра Наталия Владимировна. Ее супругу — академику А.Ю. Ишлинскому, наконец, дали отдельную квартиру в жилом корпусе нового здания МГУ. К счастью, А.В. Запорожец все же получил отдельную квартиру, когда перешли в мир иной старожилы-соседи и коммуналку заселили «лимитчиками». Все это не мешало ему хлопотать (и не без успеха) о жилье для своих учеников и сотрудников.

Чтобы выдержать такую жизнь да еще плодотворно работать, одного чувства юмора явно недостаточно. Спасала закалка. «20-й год, в Киеве голодно, — вспоминал он, — и родители отправили нас с сестрой в деревню, к деду, на подножный корм, где, как и полагается сельскому парубку, я занимался крестьянской работой: пахал, жал, молотил». Это не жалоба, далее он пишет: «Потрясающее было время! С одной стороны — голод, лишения, холод; с другой — огромный духовный подъем! Поразительно, с какой страстью разбуженные революцией люди рвались тогда к творчеству, поискам новой правды, к построению нового общества, созданию новой культуры!». Не его вина, что ожидавшееся тогда будущее не случилось, но светлую память о том времени он сохранил на всю жизнь. Приведенные слова были написаны им за несколько месяцев до кончины.

К сожалению, революционный голод (в прямом смысле слова «голод») был не последним. Десятилетие спустя голод догнал его на Украине, в Харькове. То был Великий голод. Покинувшие деревню крестьяне умирали на улицах города, в том числе и в подъезде, где жил А.В. Запорожец. Еще через десятилетие его семью настигла военная лихая година и бескормица. Они были в эвакуации на Урале.

Жизнь не баловала Александра Владимировича особыми благами, не всегда давая даже самое необходимое. Но он не унывал, радовался тому, что не случилось худшего. А оно было

очень близко. Даже во время голода на Украине молодость брала свое. В середине 30-х гг. (или около того) в Харькове образовался небольшой элитарный научно-художественный кружок. Элитарность состояла в том, что члены этого кружка устраивали «картофельные балы». На большее просто не было денег. Недремлющее око НКВД прознало или прослышало об этом. История с Л.Д. Ландау, входившим в кружок, общеизвестна. Не знаю, как с другими участниками, но Тамара Осиповна семь раз навсегда прощалась с Александром Владимировичем, когда его «приглашали» в НКВД. Слава Богу, пронесло. Не могу сказать, что после этого в него вселился страх. Он был мужественным человеком, но стал значительно сдержаннее и осторожнее. Приобрел он и иммунитет к партии, куда его настойчиво звали почти до конца 1960-х гг. Однажды он чуть было не дал слабину, но вовремя представил себе реакцию и лицо беспартийного Бориса Михайловича Теплова на то, что Запорожец вступил в партию.

А.В. Запорожец не пасовал и перед райкомом КПСС, что удивляло, прежде всего, райкомовцев, привыкших командовать, а не убеждать и спорить. Однажды ему позвонил секретарь райкома и потребовал уволить его заместителя, разошедшегося с женой, так как морально неустойчивый человек не мог состоять в руководстве дошкольным воспитанием. Александр Владимирович ответил, что, если ему не изменяет память, родоначальник соцреализма А.М. Горький был даже трижды женат. Секретарь не нашелся, что на это возразить, и больше к вопросу об увольнении не возвращался. А.В. Запорожец избегал разговоров на партийно-политические темы. Они были ему не интересны, хотя он все знал и все видел. Я как-то по-молодости и по-глупости выразил сожаление, что убили Кирова. Он был бы не таким выродком, как Сталин. Александр Владимирович, скорее, про себя или в сторону, сказал, что Киров был таким же гауляйтером, как и все остальные.

Дом Запорожцев был открытым и хлебосольным для друзей, учеников и сотрудников. Пожалуй, там никогда не было «нужных» людей. Да и теперь, годы спустя, я убеждаюсь в том, что ряд людей не приглашались в него вовсе не случайно. В доме принимались два крайне редко пересекающихся круга. Один — психологический: П.Я. Гальперин, Д.Б. Эльконин, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев, Л.И. Божович. Когда бывали в Москве, то гостили в нем Д.Г. Элькин, Б.И. Хачапуридзе, Г.Д. Луков, П.И. Зинченко. Это сообщество можно определить как выготчане, харьковчане и их друзья. Другой — сборный, интимно-дружеский, хотя последнее, конечно же, относится и к психологическому сообществу. Во второй круг входили такие замечательные люди, как А.О. Гиневский — художник, ответственный секретарь МОСХа периода «оттепели», его жена Е.С. Гиневская — микробиолог, В.В. Левик — поэт и переводчик, А.И. Константиновский — театральный художник и график, М.С. Пеккеллис — профессор Гнесинского училища, сестра А.В. Запорожца Наталья Владимировна — музыковед, А.Ю. Ишлинский — академик по Отделению механики. Я считаю себя счастливым человеком, так как меня «допускали» в оба эти круга друзей, и в этом доме я прошел второй (если не первый и главный) университет. До сих пор не могу себе простить, что не принял приглашения А.В. Запорожца поехать с ним в отпуск в Одессу, сославшись на то, что рыбная ловля мне глубоко чужда.

Многие годы открытость дома для учеников, особенно университетских, была вынужденной. С «жильем» в Психологическом институте было неважно. Первый «непроходной» кабинет Александр Владимирович получил, когда возглавил Институт дошкольного воспитания. Да и тот не отдал под лабораторию только потому, что директор должен иметь кабинет. Какое-то время у него было даже два кабинета. Второй — академика-секретаря Отделения психологии АПН. Когда несколько лет тому назад я занял эту должность, мне была приятна не должность, а то, что я сижу в его кабинете.

Еще один штрих к его портрету, после чего я постараюсь (если мне это удастся) перейти к академическому тону. Когда я писал аналогичные заметки о П.Я. Гальперине, то задумывался о том, а каково было распределение ролей в таком тесном, дружном и плодотворном коллективе, который представляла собой харьковско-московская школа психологов. Они ведь все такие разные, у каждого в Москве образовалась собственная школа, десятки учеников и учеников их учеников. И, тем не менее, они не могли жить друг без друга. Поделюсь своими наблюдениями.

А.Н. Леонтьев, несомненно, был признанным всеми лидером. Кажется, что таким он был от рождения. Он много сделал не только для сохранения и развития собственной деятельности школы, но и для психологии в целом. Но все они, любя его, относились к нему со щепоткой соли, подтрунивали над ним, когда он с восторгом подростка рассказывал о своих достижениях в «коридорах власти». А.Р. Лурия — гений, он действительно Бетховен в психологии, как его назвал Ст. Тулмин в статье «Моцарт в психологии», посвященной их общему учителю Л.С. Выготскому. Д.Б. Эльконин — человек с мужественным научным темпераментом, стойко выносивший неоднократные изгнания из науки, лишение ученых степеней и щедро разбрасывавший свои идеи. П.Я. Гальперин всегда был учителем, которого все остальные ласково называли «ребенком» или Гальпетей и ходили к нему советоваться, хотя все понимали, что хорошая оценка вовсе не гарантирована. Ходил советоваться к нему и я. Это было недалеко, через коридор из комнаты А.В. Запорожца. Когда я возвращался после порой его жесткой, но доброжелательно и иронично выраженной критики, А.В. Запорожец с улыбкой утешал меня и признавался, что ему самому не часто приходится слышать комплименты от Петра Яковлевича. Он, в свою очередь, советовал: «Надо думать, Петр Яковлевич зря не скажет».

А.В. Запорожец при всей своей бесконечной доброте был совестью этого небольшого коллек-

тива таких разных единомышленников. Конечно, у них возникали трения, сложности, но мир в доме сохранял главным образом Александр Владимирович, часто выполняя роль советчика, врача. К его помощи прибегали не только выготчаны. Обаяние, такт, доброжелательность, единственно нужные слова и поступки привлекали к нему окружающих. При нем невозможно было сделать что-либо стыдное. А.В. Запорожец, несомненно, тоже был лидером, но лидером незаметным, непоказным. Он был лидером нравственным, что заставляло стусевываться лидеров других разновидностей. Сознательно или бессознательно он держался в тени. Я, например, только из примечания А.Н. Леонтьева к своему тексту, посвященному гипотезе возникновения психики и ее экспериментальной верификации, узнал, что и то и другое было сделано совместно с А.В. Запорожцем. Конечно, все участники этого коллектива были личностями, талантливыми учеными, замечательными учителями. Я подчеркиваю лишь их доминирующие черты. При всей любви друг к другу они были справедливы и требовательны.

Динамичный А.Р. Лурия в конце 1920-х гг. выгнал медлительного А.В. Запорожца из своей лаборатории, сказав ему: «Саша, может быть, ты когда-нибудь станешь неплохим профессором, но лаборант из тебя никогда не получится». Через много десятилетий А.Р. Лурия как-то пригласил вечером Александра Владимировича к себе и попросил (скорее, потребовал) подробно рассказать, что он делал в течение дня. Выслушав «отчет», он гневно сказал, что только в нашей стране золотыми часами забивают гвозди.

А.В. Запорожец был нетороплив, но основателен. Он не бегал, как А.Р. Лурия, через три ступеньки и не звонил друзьям и коллегам в 7–8 часов утра. Он не спешил с защитой докторской диссертации. Когда он защитил ее, Е.И. Бойко сказал ему, что, если у нас ученый в 55 лет защищает докторскую, его считают вундеркиндом. Эта ирония имела основание. Старшее поколение психологов достаточно трепет-

но относилось к докторской степени. Но зато какие это были диссертации! Каждая из них была событием в науке. Защиты проходили в переполненных аудиториях, в процедуре была своеобразная эстетика.

А.В. Запорожец был терпимее А.Р. Лурии. Одного из своих действительно талантливых учеников он называл «доброкачественным лентяем» и многое прощал ему. Вообще он нас так замечательно воспитывал, что мы, его ученики, этого совершенно не замечали. А он, смеясь, говорил, что человека после 12–13 лет воспитывать бесполезно. Не раззнакомился со мной Александр Владимирович, когда я в 1960 г. не принял его предложения организовать психологическую лабораторию в создаваемом им тогда Институте дошкольного воспитания или возглавить его лабораторию детской психологии в Психологическом институте, который он покидал. Я предпочел «сыграть в ящик» — в НИИ автоматической аппаратуры, где мне предложили организовать лабораторию инженерной психологии и заняться проблемами противовоздушной обороны. А.В. Запорожец отпустил меня и искренне пожелал успеха. Хотя он был огорчен и не скрывал этого, мой отказ никак не повлиял на наши отношения. Он только как-то сказал мне: «Глядя на тебя, я иногда чувствую себя, как курица, высидевшая утят и удивляющаяся тому, что они делают то, что она не умеет сама, например, плавают». Меня оправдывает то, что я вместе со своей женой Н.Д. Гордеевой еще при его жизни продолжил его исследования произвольных движений и предметных действий. К счастью, мы успели посвятить ему нашу первую книгу по исследованию моторики. Он был искренне рад тому, что почти забытая им, заслоненная директорскими обязанностями проблематика развивается. Сейчас же на старости лет я впал в детство и вовсе погрузился в его проблематику развития психики, вспомнив свою первую любовь — детскую психологию. Уроки Александра Владимировича оказались незабываемыми.

Наконец, перейду к обещанному академическому тону и стилю.

А.Н. Леонтьев,
и А.В. Запорожец

* * *

Трудно переоценить вклад А.В. Запорожца в психологию. Именно в психологию, а не в психологическую теорию деятельности или в деятельностный подход. Стержнем его интересов была не деятельность, а действие во многих своих ипостасях: сенсорное, ориентировочное, перцептивное, умственное, эмоциональное, эстетическое, игровое, учебное, наконец, действие в собственном смысле слова, т. е. движение и произвольное действие. Иногда он пользовался термином «психическое действие». Если сквозь призму понятия действия прочесть его труды, то неминуемо придешь к выводу, что в них заложены основания и общий абрис будущей психологии действия. Действие в его исследо-

ваниях выступало не как объяснительный принцип, а как предмет изучения. Думаю, что психологическая теория деятельности не утрачивает своего кредита, потому что за ней скрывается исследование многочисленных форм психического действия, выполненных, конечно, не только А.В. Запорожцем. Попробую проследить истоки его устойчивого интереса к действию, а точнее, к деянию.

Всем, конечно, было известно театральное, «допсихологическое» прошлое Александра Владимировича. Мы в этом воочию убеждались на «капустниках» в Психологическом институте, на его научных докладах, которые он тщательно готовил не только по содержанию, но и по форме. Артистичность чувствовалась во всем: от лекций до застолья, когда он бывал

тамадой. Но в последний год жизни Александра Владимировича мы узнали, что его допсихологическое прошлое было в высшей степени психологическим. Весной 1981 г. украинский режиссер и исследователь театра А.С. Танюк разыскал А.В. Запорожца и попросил его написать воспоминания о своем ученичестве и работе в театре Леся Курбаса (1887–1942) — основоположника нового направления в театральном искусстве.

Летом, во время отпуска, А.В. Запорожец выполнил просьбу, написал очерк «Мастер: Воспоминание о Лесе Курбасе». Из этого очерка следует, что проблематика формирования, строения, регуляции человеческого действия, эмоций, чувств заинтересовала его, когда он в юные годы недолгое время был учеником Леся Курбаса. Не забыл ученика и учитель. Л. Танюк познакомил А.В. Запорожца со стенограммой выступления ученика Л. Курбаса — мастера художественного слова В.А. Мовсеяна — на вечере Л. Курбаса в музее им. Бахрушина (16 апреля 1979 г.). А.В. Запорожец привел большой отрывок стенограммы, исключив из него слова о себе.

«Посмотрите, какие идеи развивают наши соседи — Выготский и его группа! Я проговорил с Львом Семеновичем часов пять — и поражен его размахом! Какой масштаб личности! И знаете, что поразительно? Он говорил о том, что важно в первую очередь нам, деятелям театра. Да-да! Это очень близко к тому, чем мы пытались заниматься, — конечно, любительски, не зная азов, интуитивно, — еще в «Молодом театре» и МОБе! (Это аббревиатура — Художественное объединение «Березиль», созданное А.С. Курбасом в 1922 г. в Киеве. — В.З.). И конечно, меня обрадовал один штрих: знаете, кого он считает самым талантливым человеком? Нашего Запорожца! Да-да, он был у нас в одной из студий, в Киеве! Приятно! Это вам не рефлексология!..»

А.В. Запорожец писал о том, что он может сравнить А.С. Курбаса лишь с такими великими мастерами и преобразователями мирового теат-

рального искусства, как К.С. Станиславский, Гордон Крег, В.Э. Мейерхольд, Е.Б. Вахтангов или С.М. Эйзенштейн. Вспоминая эти годы и уроки своего первого учителя, А.В. Запорожец писал о том, что А.С. Курбас ставил перед молодыми актерами задачу овладения сценическим поведением и эмоциями в терминах преобразования или превращения собственных движений (ср. со все чаще встречающимся в психологии термином «форма превращения»): «Мне представляется достойной пристального изучения, оригинальной и глубокой по своему психологическому содержанию идея «перетворенного руху» («превращенного движения»). А.С. Курбас предлагал актеру прежде всего сосредоточиться на содержании своей роли и спектакля в целом, осмыслить и почувствоваться во внутренний мир изображаемого героя, вжиться в ту систему отношений и обстоятельств, в которой герою предстоит действовать, осмыслить общественную значимость его переживаний и поступков. Вместе с тем он считал необходимым развить у актера способность расслабиться, снять мышечную напряженность, избавиться от власти штампов, жестко зафиксированных и прагматически направленных «орудийных» действий, ограничивающих «степени свободы» человеческой моторики, побуждая ее звучать подобно эоловой арфе в унисон с внутренней симфонией дум и переживаний изображаемой личности. Таким образом, выдвигалась новая и, с моей точки зрения, очень продуктивная концепция актерской выразительности, в каких-то отношениях сходная с той системой научных понятий о живом человеческом движении, которая разрабатывается в современной психологии». В эту систему понятий А.В. Запорожец внес неоценимый вклад.

Далее он пишет: «Курбас своей идеей строительства философского театра, утверждением того, что творчество актера и режиссера должно строиться не на голой интуиции, а на сознательном отношении к изображаемым событиям, на глубоком понимании их внутреннего смысла, пробудил во мне, может быть, сам того не подо-

зревая, интерес к психологии, к научному познанию внутреннего мира человека, к исследованию возникновения его мыслей и эмоциональных переживаний, процесса становления его личностных качеств. Все это, — продолжает А.В. Запорожец, — побудило меня, в конце концов, уйти из театра, поступить во Второй Московский университет и заняться изучением психологии. Я стал учеником знаменитого советского психолога Л.С. Выготского... Обнаружилось, что, несмотря на глубокое различие моей предшествующей актерской и последующей научной деятельности, между ними существует какая-то внутренняя связь и то, что раньше постигалось интуитивно, теперь должно было стать предметом объективного экспериментального изучения и концептуального осмысления».

Таким образом, А.В. Запорожец пришел в психологию с уже сложившимися интересами и своими проблемами. Они, впрочем, подпитывались его любовью к театральному искусству, которую А.В. Запорожец пронес через всю свою жизнь. Он болезненно переживал «мертвые зоны» в жизни советского театра, печальную судьбу великих актеров. Следует подчеркнуть, что интуитивно постигнутые им проблемы были не в абстрактной и малодифференцированной форме, а во вполне конкретной, можно даже сказать, в научно-практической постановке. Обобщенно это можно сформулировать как проблему овладения человеком своим поведением и эмоциями посредством превращения, претворения собственных достижений и действий. Если в этой постановке есть что-то от интуиции, то это интуитивное, тогда еще не выраженное в понятиях представление об общности строения внутреннего мира человека и его внешней социальной и предметной деятельности. Напомню, что во второй половине 20-х гг., когда А.В. Запорожец пришел в психологию,

перед ней только начинала ставиться проблема овладения поведением и организации деятельности. В идее превращения, претворения действия в том виде, в котором она реализовалась не только А.С. Курбасом, но и другими мастерами театра и кино того времени, содержится отказ от натуралистического копирования действительности. «Многие молодые художники 20-х годов, — писал Г. Козинцев, — выросли на ненависти к натурализму»¹. В сочинениях Е. Вахтангова, Г. Козинцева, В. Мейерхольда, К.С. Станиславского, С. Эйзенштейна и многих других сплошь и рядом встречаются такие противопоставления и эпитеты, сопровождающие термины «движение» и «действие»: физическое, машинообразное, шаблонное и живое, жизненное, раскованное; внешнее и преобразованное, внутреннее, психологическое, духовное, осмысленное и т. д. Мы видим, что уже в те годы начали закладываться основы понимания режиссуры как практической психологии, предметом которой выступало действие, представляющее собой материал актерского искусства. Конечно, не каждое действие может выступать таким материалом, а лишь то действие, которое специально перестроено или построено как эстетическое. Это положение хорошо выразил О. Мандельштам, когда писал о замечательном актере В.Н. Яхонтове: В.Н. Яхонтов не осуществляет реальное исполнительное действие, а дает «графически точный и сухой рисунок, рисунок движения и узор слова»². Даже этих отрывочных сведений из истории театрального искусства 20-х гг. достаточно для иллюстрации положения о том, что идея превращенного действия может быть выражена на современном психологическом языке как идея формирования, проектирования действия и деятельности, их саморазвития.

Истоки подобной трактовки сценического искусства лежат в русском символизме. Вяч.

¹ Козинцев Г. Пространство трагедии. М., 1973. С. 6.

² См.: Мандельштам О. Яхонтов // Экран. 1927. № 31. С. 15.

Иванов писал: «Искусство сцены есть не только становление подобно музыке и поэзии, но и действие... исконное имя сценического искусства — Действо»³. И далее: «Действо как искусство возникло из реального события и к переходу в реальное событие тяготеет». Обращу внимание, с одной стороны, на различие действия как реального события и художественного действия, а с другой — на подчеркивание генетической и двусторонней связи между ними. Уместно напомнить исследования А.В. Запорожца, посвященные формированию эстетического восприятия дошкольников. Он выделил стадию эстетического восприятия, предшествующую сопереживанию и вчувствованию, которую он назвал стадией «содействия». Замечательным свойством детских ролевых игр, по его мнению, является то, что они занимают промежуточное между реальными и художественными действиями. Наконец, еще один урок, который вынес А.В. Запорожец из своей предшествующей актерской деятельности. Выражу это словами Вяч. Иванова: «Театр имеет своим художественным материалом целостный состав человека и стремится к произведению целостного события». Если мы выделим превращенное действие и целостный состав человека, то получим личностное или психологическое действие, поступок, как материал актерского искусства и притом не просто отраженное действие (зрелище, иллюзию), а действие воистину, где истина, по словам Вяч. Иванова, утверждается непрерываемым логизмом действия. Сказанное выше свидетельствует о том, что атмосфера поисков, господствовавшая в театральном искусстве (да и вообще в искусстве) в те годы наложила на А.В. Запорожца глубокий отпечаток. По словам супруги А.В. Запорожца Т.О. Гиневской, первыми его учителями, помимо А. Курбаса, были В. Мейерхольд и С. Эйзенштейн. Под их влиянием и складывалась его

программа психологических исследований и стратегия ее реализации. Поэтому вовсе не случайноввторойполовине20-хгг. А.В. Запорожец стал учеником и последователем именно Л.С. Выготского, а не других в то время значительно более известных психологов, таких, как П.П. Блонский, К.Н. Корнилов, Г.Г. Шпет, у которых ему также довелось учиться во Втором Московском университете. Равным образом не случайно, что Л.С. Выготский направил именно А.В. Запорожца в студию С. Эйзенштейна для планирования и организации совместных исследовательских работ, которым, к сожалению, не суждено было осуществиться.

Дальнейшая, теперь уже научная судьба А.В. Запорожца была неразрывно связана со школой Л.С. Выготского. Через всю жизнь А.В. Запорожец пронес глубокое уважение и любовь к своему второму учителю. Научные идеи и методологические принципы, выдвинутые Л.С. Выготским, обогатили его собственную программу, легли в основу его исследовательской работы. Конечно, верно, что программа исследований А.В. Запорожца была обогащена Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым, А.Р. Лурией, но столь же верно и то, что его же программа обогатила культурно-историческую теорию Л.С. Выготского и психологическую теорию деятельности А.Н. Леонтьева. Более того, она прочертила для них новую перспективную линию, или зону ближайшего развития, в которой находится психология действия.

А.В. Запорожец пришел в психологию, чтобы понять аффективное, осмысленное, произвольное сценическое действие. Но так сложилась его научная судьба, что он долгие годы «тренировался» на сенсорном, перцептивном, умственном действиях, как бы наполняя их смыслом и волей. К своей «первой любви» — к аффективному действию — он обратился в конце жизни, когда был загружен административ-

³ Иванов Вяч. Борозды и Межи. М., 1916. С. 261.

ными обязанностями. В 1959 г. по настоянию А.А. Смирнова и Б.М. Теплова он возглавил Институт дошкольного воспитания.

Трудно переоценить вклад А.В. Запорожца в психологию детского развития, в практику дошкольного воспитания. Обозначу лишь некоторые вехи на пути А.В. Запорожца к аффективному действию. Согласно Н.А. Бернштейну, движение реактивно. А.В. Запорожец добавил к этому свойству чувствительность, «ощущаемость». Затем он пришел к проблеме «внутренней картины», или внутренней формы движения, в содержание которой входит образ ситуации и тех действий, которые в этой ситуации должны или могут быть выполнены. Впервые в мировой литературе он включил образ ситуации и образ действия, т. е. своего рода чувственную ткань, в биодинамическую ткань движения, двигательного акта. Более того, А.В. Запорожец утверждал, что «объективно движение само представляет собой динамический осмысленный образ, а не самое орудие осуществления намерения». Но и этого мало. А.В. Запорожец рассматривал действие как потребность, мотив, цель и задавался вопросами: каким образом действие может сделаться целью для другого действия? каким образом субъект начинает стремиться к действию как к известной внешней вещи, внешнему предмету? каким образом он может стремиться к действию так, как стремился раньше к пище или какому-либо другому предмету, удовлетворяющему его потребности? Единственная возможность этого, отвечал А.В. Запорожец, заключается в том, что действие опредмечивается. Тогда действие субъекта как бы отделяется от него и выступает не только как внешний предмет, но и как «внешний субъект», в котором оно овеществлено и персонифицировано. Овеществленная и персонифицированная субъектность действия — это уже не вполне действие, а, скорее, Деяние, Действо, возмож-

но, не только эстетическое, а и сакральное. Наконец, от субъектности действия А.В. Запорожец пришел к проблеме личностных установок, к проблеме «моторика и личность», обсуждением которой заканчивается его замечательная книга «Развитие произвольных движений» (1960). Через всю книгу проходит положение о том, что необходимо отказаться от понимания живого движения как механического перемещения тела или его органов в пространстве и перейти к рассмотрению его как сложного моторного акта, реализующего определенное (и целостное) отношение субъекта к предмету, к действительности, к другому человеку. Не менее важна мысль о том, что овладение новыми действиями (а не овладение предметами посредством действий и деятельности) представляет собой подлинное обогащение субъекта, развитие не только оперативно-технических способностей, но и его личности, истинно человеческого бытия.

По существу, эта книга должна рассматриваться как вклад в решение вечных проблем психологии: свободы воли и свободного действия. Но 35 лет тому назад обсуждать эти проблемы в нашей стране было не модно. В моде еще были рефлексы и «охранительное торможение». А.В. Запорожец и мне советовал не становиться на «дырявый мост» философско-методологической проблематики психологии. Это, кажется, один из редких случаев, когда я не послушался и рад этому. Потому что без моих философских и теоретико-методологических упражнений я не смог бы проникнуть в глубинные (и нередко закамуфлированные эпохой) смысловые пласты плодотворной деятельности моего Учителя. До сих пор я открываю зону ближайшего развития психологии действия и своего собственного в трудах А.А. Ухтомского, Н.А. Бернштейна, А.В. Запорожца.

В.П. Зинченко